

Интервью с Владиславом Павловичем ЗАСЫПКИНЫМ

«В итоге, поскитавшись во Франции около трех месяцев, я вернулся в Сургут»

Засыпкин В. П. — окончил Тюменский государственный университет, доктор социологических наук, первый проректор Сургутского государственного педагогического университета, председатель Югорского отделения РОС. Сургут. социология образования, методология опросов, сравнительный анализ образовательных систем России и зарубежных стран, социолингвистика. Интервью состоялось в 2014 г. .

Интервью с Владиславом Павловичем Засыпкиным продолжалось менее пяти месяцев, это — очень короткий срок, тем более, что лично мы не знакомы. Рассказанное им о себе впечатляет своей внешней простотой, естественностью, своеобразной «линейностью» и одновременно раскрывает перед нами образ современной, целеустремленной личности, молодого, но уже много сделавшего и набирающего силу исследователя. Любовь к французскому языку привела юношу из интеллигентной сургутской семьи на филологический факультет Тюменского университета. Получив солидную филологическую и лингвистическую подготовку и приобретя переводческую практику во Франции, он подготовил кандидатскую диссертацию, связанную с вопросительными предложениями во французском и испанском языках. Позже это помогло ему найти нетривиальные подходы к анализу конструкции вопросов социологических анкет. Но в социологию его привели преподавание иностранных языков и участие в ряде прикладных исследований в области образования. Несколько лет назад он защитил докторскую диссертацию по социологии образования и теперь совмещает свои теоретико-эмпирические поиски и разработки с большой педагогической и организационной деятельностью на посту первого проректора Сургутского государственного педагогического университета и председателя Югорского отделения РОС.

Владислав Засыпкин — молодец, он принадлежит к шестому поколению советских/российских социологов. У него многое впереди, и уверен, он еще многое сделает и в науке, и на ниве подготовки социологических кадров.

Засыпкин В. П.: «В итоге, поскитавшись во Франции около трех месяцев, я вернулся в Сургут»

Владислав, сейчас Вы живете в Сургуте... Вы и родом из тех краев? Пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье...

Я родился в Тюмени 20 октября 1971 года. Это мой родной город, у меня с ним очень много связано. А в Сургуте я с 1976 года, приехал с папой и мамой, точнее, они меня привезли, после того, как в семье моими родителями было принято окончательное решение перебраться на север (папа уже тогда работал в Сургуте больше года). С тех пор Сургут – мой второй родной город. Здесь меня водили в детский сад, здесь я окончил школу, здесь я отслужил в армии, вернувшись из Тюмени после университета в 1994 году. Теперь в Сургуте у меня работа, семья, коллеги, друзья. Таким образом, если не считать пятилетний университетский период моей учебы в г. Тюмени, то в Сургуте я почти всю свою сознательную жизнь.

Интересен тот факт, а я узнал об этом уже взрослым, что тогда в середине 70-ых мои родители стояли перед серьезным выбором, поехать ли им на комсомольскую молодежную стройку в Сургут или в Припять, на всесоюзную стройку в совсем тогда ещё молодой только отстраивающийся город. Скажу сразу, что Припять рассматривалась ими очень серьезно. Во-первых, в новом молодом городе у молодых семей было гораздо больше возможности получить хорошую работу и, что самое главное, жилье, во-вторых, у папы украинские корни (его мама, моя бабушка из Николаевской области), в-третьих, там теплее и комфортнее. Но ... победил Сургут, он ближе к Тюмени, да и все родственники тоже рядом. Вот так, сибирские и уральские корни моих родителей взяли верх.

Моя мама, Людмила Николаевна Засыпкина, до замужества Медведева, родилась в Омске. В середине 50-х с родителями переехала в г. Тюмень, где окончила школу и Тюменский педагогический институт, и к тому времени, в 70-х, уже несколько лет работала учителем истории. Папа, Павел Николаевич Засыпкин, родился в Свердловске, он также в конце 50-х с родителями переехал в Тюмень, где, впоследствии, учился в военном училище, но, не окончив которого, стал работать на Тюменской ТЭЦ. Мои родители поженились в 1970 г. Они могли бы остаться в Тюмени, причем, для этого были все возможности, их родители (отцы, оба фронтовики) занимали руководящие должности на все той же Тюменской ТЭЦ, а вот мамина мама, моя вторая бабушка, уже не один десяток лет работала в системе образования г. Тюмени учителем начальных классов. Мои родители были молоды, у них было огромное желание сделать что-то самим и с самого начала. Их родители поддержали это желание. Вот так я и оказался в Сургуте. Сегодня, мои папа и мама, отработав по тридцать с лишним лет на севере, вернулись в Тюмень, они теперь на пенсии, воспитывают внуков, с ними уехала моя родная сестра, у неё в семье двое детей.

Вспоминая то время, я бы сегодня сказал, что у нас была типичная советская семья: мама – учитель истории, папа – водитель, я – пионер, сестра – октябренок. Жили мы в типовой двухкомнатной квартире московского проекта в центре города, а вокруг был с нуля строящийся город. Мама периодически говорила

отцу: «Павлик, мы с тобой живем на стройке». Действительно так и было, старый Сургут с его деревянными застройками и деревянными тротуарами уступал место пятиэтажным панельным типовым новостройкам, возникавшим с невероятной скоростью. Город строился микрорайонами: «Энергетик», «Строитель», «Нефтяник», «Геолог» и т. д. В каждом микрорайоне был свой центр с площадью и Домами культуры, поэтому все жители Сургута всегда говорили, что живут в «центре», других мест просто не было. Если и были, то страшные окраины, застроенные «балками». Это сегодня Сургут – современный город с хорошей транспортной инфраструктурой, раньше все было по-другому. Вдобавок к этому очень короткое лето и почти сразу зима. Снег ложится уже в октябре, а последний тает во второй половине мая, и все это на фоне короткого светового дня, поэтому благодаря отцу основным активным времяпровождением у меня был зимний спорт (хоккей, лыжи и, даже, горные лыжи).

Папа очень спортивный человек, ещё в Тюмени профессионально (если можно так сказать о том времени) занимался русским хоккеем и футболом, играл за городскую тюменскую команду «Рубин». Любовь к спорту, точнее к регулярным физическим нагрузкам, привил мне именно он. Папа и мама много читали, и поэтому нехватки книг в доме не было. Доступ к литературе и возможность её выписывать и покупать, которые были у отца (книгами у него на производстве, по-моему, занимался профком), служили своеобразной компенсацией очевидной нехватке культурной составляющей в молодом городе. Дома читали русскую и зарубежную классику, обязательным атрибутом библиотеки была серия «Жизнь замечательных людей». У мамы была неплохая историческая библиотека по древней и российской истории, это и «Жизнеописания» Плутарха, «История Рима» Т. Моммзена, позднее появились «Очерки по истории римской империи» Р. Виппера. Ключевский соседствовал на полке с многотомным академическим изданием «Истории СССР» и трехтомником «Истории КПСС». Были отдельные издания Маркса, Энгельса и Ленина, в середине 80-х у мамы появилось много «перестроечной» и другой общественно-политической литературы. Родители всегда выписывали много газет и журналов: «Литературная газета», «Роман-газета», «Учительская газета», «Труд», местные издания и, конечно же, «Советский спорт» для папы и «Пионерская правда» для меня и т.д. Был и самиздат, точнее перепечатанный на пишущей машинке Солженицын, Булгаков, Войнович, анекдоты И. Губермана, эпиграммы В. Гафта, в доме слушали записи В. Высоцкого. Мои родители никогда не были в партии, более того, маминого отца в конце 50-х исключили из КПСС, так как он, будучи председателем колхоза, отказался сеять кукурузу в сроки указанные партией. Позже его восстановили. Вообще вольнодумие в доме было в чести, хотя к власти всегда относились с уважением. Все это идет от моего любимого деда «бунтаря», маминого папы Николая Тимофеевича Медведева.

Возвращаясь к теме книг, не скажу, что я читал днями напролет, много времени занимала школа, спорт, пионерская, а затем и комсомольская общественная работа. Вместе с тем литература и чтение – это то, чему мои родители и я, благодаря им, уделяли очень много времени. Много из прочитанного в доме обсуждалось и рассказывалось. Необходимо сказать, что несмотря на рабочую профессию моего отца у нас, все-таки, в большей степени была учительская семья. Авторитет интеллектуального труда в доме был незыблемым.

А в целом, как бы Вы сегодня, уже будучи социологом, как охарактеризовали социальную, информационную, интеллектуальную обстановку Сургута 1970-х – первой половины 80-х?

Несмотря на возраст (а Сургут возник во второй половине XVI века как казацкий острог и в разные периоды своей истории становился даже уездным городом), его население до индустриального освоения было малочисленным, что, кстати, стало одной из причин потери им городского статуса на заре советской власти. В 70-ые и 80-ые из небольшого заштатного села он превращается в серьезный индустриальный город с населением в четверть миллиона человек. Этот период принято называть вторым рождением города. Сургут становится крупным многонациональным городом, собравшим молодое трудоспособное население со всего СССР.

Сургут принимал всех. Кроме нефтяной и газовой отраслей здесь очень интенсивно развивается энергетический комплекс, строительная отрасль, транспорт. До 1975 г. в Сургут можно было добраться только малой авиацией или водным транспортом, а зимой ещё автомобилем по «зимнику». Только в 1975 г. в городе запущена железнодорожная ветка, связывающая его с югом Тюменской области и Транссибом. Параллельно интенсивно развивается социальная сфера: детские сады, школы, профтехучилища, больницы, учреждения культуры, досуга, дополнительного образования детей (музыкальные и спортивные школы), кино-театры, библиотеки, Дома быта и т.д.

Многие из тех, кто приехал в город, как тогда говорили, «за длинным рублем», оседают в Сургуте, создают семьи. Правда, по данным различных опросов, которые проводились и проводятся в городе и округе, до 50% проживающего здесь населения не планировали и не планируют связывать своего будущего с Югорским севером. «Временщики» - так здесь называют тех, кто ходит с обратным билетом в кармане.

Вопрос сохранности генофонда, закрепления в Югре населения, всегда стоял очень серьезно. Это было объективной трудностью, дело в том, что кроме работы по узкопрофильным промышленным специальностям (нефтяник, газовик, геолог, строитель и т.д.) здесь молодежи больше нечего было делать. Был и определенный информационный голод, кроме местной газеты «К победе коммунизма», все центральные, даже тюменские, такие как «Тюменская правда», например, приходили в Сургут с суточным опозданием, т.е. мы всегда читали вчерашние газеты, которые вдобавок получали только после обеда или вечером, журналы же приходили с опозданием в месяц. Основным источником свежей информации было радио и телевидение. Информационно-культурный и социально-культурный слой в городе был очень тонким. Первый вуз появился только 1995 году, до этого выпускники школ массово уезжали учиться, как тогда говорили, на «большую землю», которая чаще начиналась с Тюмени и Свердловска. Именно там были музеи, театры, художественные галереи. Туда всегда стремились. Сургуту было не до этого. Летом и осенью сургутяне занимались заготовками продовольствия на предстоящую зиму: рыба, ягоды, грибы. Дачные участки появлялись медленно и не у всех, поэтому с большой земли везли почти все: овощи, фрукты, мясо и, все те же, ягоды и грибы.

Культурный досуг горожан, в особенности работающей и учащейся молодежи, был незатейливым. В каникулы – это кинотеатр. В Сургуте в то

время их было целых два. Школьникам выдавали абонемент на детские сеансы (10 маленьких синих билетиков по 10 копеек). Мама в школу в последний день занятий перед каникулами для этого давала целый рубль, насколько помню, билеты распространяли в школах централизованно. Фильмы для детей шли до обеда, после обеда и, тем более, вечером в кинотеатр детей уже не пускали. Для тех, кто был старше, организовывались развлекательные мероприятия в Домах культуры микрорайонов города. Именно тогда в Сургуте стали зарождаться самодеятельные народные, да и не только, танцевальные и музыкальные коллективы, которые сохранились в городе и сейчас, и приносят ему славу на всероссийских танцевальных и музыкальных площадках. В Сургуте действовали музыкальные школы и единственное на севере музыкальное училище, в котором готовили педагогов и исполнителей. Досуг и отдых горожан большей частью был коллективным. Так, для Сургута были характерны общегородские субботники по озеленению города. В них активное участие принимали все жители, что называется «от мала до велика». Нельзя не сказать об общегородских ежегодных демонстрациях 7 ноября и 1 мая, праздниках на Новый год, Масленицу и т.д. Кроме того, в большой городской праздник превращались различные выборы в городской и районные советы и т.д.

Оторванность от цивилизации здесь ощущалась очень остро, и это касалось не только информационной и культурной составляющих, хотя их не хватало в большей степени, но и многие материальные блага всегда здесь были большим дефицитом. Правила доступа к ним были такими же, как тогда и во всем Советском Союзе. 70-ые и 80-ые – это период, когда в Сургуте можно было сделать только профессиональную карьеру производственника или комсомольского работника. В это время Сургут – не только город молодых, но и город постоянно обновляющегося населения, собственные пенсионеры, точнее, пенсионеры – как социальная общность, появляются здесь только в 90-ые и вместе с ними и вся соответствующая социальная инфраструктура. Местное постоянное население Сургута формируется медленно. Многие из тех, кто достигал пенсионного возраста, возвращались на свою родину, другие уезжали, не дожидаясь этого. Причины разные: и климат, и географическая удаленность, и многое другое, о чем я уже говорил. Тогда прошло ещё очень мало времени для того, чтобы Сургут стал комфортным городом для проживания всех категорий граждан.

Как припоминаются школьные годы, учителя, какие были интересы?

Школьные годы вспоминаю с удовольствием. Скажу больше, мне всегда нравилось учиться, и я делал это с увлечением. Секции и кружки, которые я посещал после уроков, школа пионерского актива и многое другое – все это было связано со школой. Школьная жизнь была очень насыщенной. В среднем звене я ходил в радиокружок, занимался фотографией, волейболом, увлекался хоккеем, дзюдо, плаванием. Специально готовился и поступил в музыкальную школу по классу гитары, правда, вот учиться не стал, не сложилось. Желание заниматься музыкой реализовал в школьном пионерском отряде барабанщиков (шутка). Пионерская жизнь – это особая история. Я был, как тогда говорили, «пионером-активистом», а в старших классах – председателем Совета школьной пионерской дружины. Хорошо помню, что, будучи в шестом классе, я выиграл общегородской конкурс среди школьников, посвященный истории пионер-

ской организации, как понимаете, меня готовила мама. В результате в качестве награды получил бесплатную путевку во Всероссийский пионерский лагерь «Океан» на Дальний Восток. Там я провел целую смену в сорок незабываемых дней. Позже, уже в восьмом классе, городской пионерской организацией был направлен во Всероссийский пионерский лагерь «Орленок». До сих пор храню свой дневник с той поры, значки и прочие пионерские атрибуты.

Что касается учебы, то мне она давалась достаточно легко. Я был гуманитарием (история, география, литература, в старших классах — обществоведение — это дисциплины, которые я изучал с удовольствием), хотя и точные дисциплины осваивал без особого труда. Трудности, пожалуй, были с физикой, поэтому и возникло желание посещения радиокружка, а в школьном учебном комбинате, будучи уже в старших классах, я записался на обучение автослесарному делу. Сработал принцип: «Клин клином вышибают», на практике все эти механизмы, радиотехнические и электротехнические секреты оказались совсем не такими сложными, как в теории. Вместе с тем особая любовь — это французский язык, который я начал учить, как и все школьники тогда, в четвертом классе.

Так получилось, что в пятом я уже ходил на дополнительный факультатив к семиклассникам. Все это привело к тому, что моей главной школьной мечтой было стать военным переводчиком. Я к ней шел медленно, но верно. Правда, вот реализовать её удалось только частично. Любовь к языкам — это от мамы. Она в свое время выбирала между историческим факультетом и факультетом иностранных языков в пединституте Тюмени. По результатам вступительного экзамена она проходила и туда, и туда. Любовь к истории взяла верх. Как понимаете, любимой учительницей была именно мама. Буквально, мама в моем классе преподавала обществоведение: помню, что меня это настолько увлекало, что я с удовольствием конспектировал тексты Ленина, Маркса, Энгельса. Мне это очень помогло позднее на семинарах по истории КПСС в университете. Но дома в маминой библиотеке хранилась ещё литература и учебные книги на немецком языке, учебники по польскому и английскому языкам. Мой же выбор выпал на французский язык, не могу объяснить почему. Для меня он действительно был очень интересен. Может быть потому, что в доме слушали и любили Джо Дассена, Мирей Матьё, Эдит Пиаф, Далиду и других французских исполнителей, а фильмы франко-итальянского производства, особенно с Луи де Фюнесом, были самыми любимыми и ожидаемыми на телевидении и в кинотеатрах.

В основном все, о чем Вы написали, проходило в доперестроечный период, но завершали Вы школу в самые бурные перестроечные годы. Что сохранилось в Вашей памяти о том времени? Вы еще застали комсомол или уже все рассыпалось?

Да, застал, и до заката тогда было ещё далеко. В отношении себя, могу сказать, что мне довелось пройти полный цикл идеологического воспитания, который проходили в то время дети и учащаяся молодежь СССР.

В комсомол я вступил, как и было положено, по рекомендации моих старших товарищей, комсомольцев школы. Это случилось достаточно рано, мне было 14 лет (весна 1986 г.). Очень хорошо помню, как это происходило. Во-первых, нужно было хорошо знать Устав ВЛКСМ (цели, задачи, структуру организации, моральные принципы, права и обязанности комсомольца и т.д.), во-вторых, нужно было хорошо ориентироваться в решениях, которые принимались комсо-

мольскими и партийными съездами; в-третьих, нужно было разбираться в международной обстановке и ещё многое другое. Но самое интересное — это были «вопросы ловушки», которые задавала комиссия по приему в комсомол. Меня, например, спросили, сколько стоит Устав ВЛКСМ. Ответ я, что 2 копейки (а это буквально так и было, я его, как сейчас помню, купил вместе с комсомольским значком в киоске «Союзпечати» около моего дома), то неизвестно ещё, приняли бы меня или нет. Правильный ответ я знал: «Устав — бесценный».

Я оставался комсомольцем до того момента, как эта организация перестала существовать, т.е. вплоть до конца 1991 года. Более того, уже, будучи в университете (1989 г.), мне пророчили вступление в кандидаты в члены КПСС. Об этом первым заговорил сам преподаватель дисциплины «История КПСС», вероятно, здесь свою роль сыграли мои школьные конспекты ленинских, да и не только, работ. Но этого не случилось, да и я не особо об этом мечтал.

Мое комсомольское прошлое было не таким бурным и запоминающимся, как пионерия. Дело в том, что, став комсомольцем, я в течение двух лет занимался в школе пионерскими делами как наставник (раньше таким комсомольцам присваивали почетный статус «старшего пионера», я тоже был его обладателем, даже особый нагрудный знак выдавали). Но когда меня выдвинули к избранию на пост секретаря школьной комсомольской ячейки, я взял самоотвод. Помню, что в какой-то момент мне стало вдруг, именно вдруг, все это не так интересно, как раньше. Причин тому было две. Самая главная причина — это подготовка к поступлению на переводческий факультет, а так как мой выбор пал на Московское высшее военное пограничное училище КГБ СССР им. Моссовета, ведь я мечтал стать именно военным переводчиком, то языковую подготовку необходимо было сочетать с интенсивными физическими тренировками, что занимало много времени. Правда, скажу сразу, что моей мечте не довелось сбыться в полной мере: в год моего поступления в том вузе этот факультет закрыли, и, я (здесь опущу подробности) остался «на гражданке», поступив на факультет романо-германской филологии Тюменского госуниверситета и получив впоследствии диплом лингвиста, преподавателя иностранных языков. Но это было гораздо позднее. А тогда, в перестроечные годы была ещё одна причина, другая, но не менее важная. Причина моего отказа от активной общественной комсомольской жизни — это именно те события, о которых Вы спрашиваете. Я очень хорошо помню это время. Публикации в газетах, репортажи, новые телепередачи, такие как: «Прожектор перестройки», «Взгляд», и, конечно, советско-американские телемосты, которые вели Владимир Познер и Фил Донахью, а ведь это были в чистом виде ток-шоу, телевизионный формат, который не был нам знаком. После советских «Сельского часа» и «Специальных выпусков сессий Верховного Совета» они воспринимались как настоящая информационная революция.

Мы все понимали и искренне поддерживали М. С. Горбачева в том, что нужно было менять в первую очередь «мышление», но не знали как. При этом мы его критиковали за то, что он начал с «ускорения», а не собственно с «перестройки». Помню, рассуждали так: неужели они там наверху не понимают, что нельзя перестроиться «на ходу при высоком ускорении». Это был период действительно настоящего, как нам тогда казалось, свободомыслия, эпоха гласности и ускорения, перестройки и демократизации. Я очень хорошо помню, как дома

родители и я, мы вместе сопереживали и поддерживали советских участников телемоста СССР-США, отстаивавших и доказывающих преимущества плановой экономики, но, тем не менее, соглашались с необходимостью перемен и ждали их. Прекрасно также помню, что многое менялось и в школьном образовании: появлялись советы учащихся и родителей, дни самоуправления школьников. В образовании это была эпоха педагогов-новаторов (педагогика Амонашвили, методика опорных конспектов Шаталова). Эти изменения мне были близки, и я знал о них не понаслышке. Проблемы реформирования образования бурно обсуждались дома. Вспоминаю ещё такой факт, что, отвечая на выпускном экзамене по истории в школе на вопрос о политике СССР в этот период, я говорил о достижениях Горбачева только во внешней политике, но критиковал его за неудачи во внутренней, и комиссия со мной соглашалась. А вот мои ощущения после экзамена: школьник может открыто критиковать партию, и получает за это высокую положительную оценку членов комиссии. Это на самом деле было чем-то невероятным. Именно тогда, я стал, наконец-то, понимать рассказы родителей об «оттепели 60-ых», а «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, другие книги, которые появились в доме, многое перевернули в сознании. К сожалению, они тогда перевернули только наше, того времени, восприятие советского прошлого, но, будучи по своей сути и содержанию трагичными, не содействовали оптимистическому и конструктивному взгляду на будущее.

В завершении добавлю, что сейчас я понимаю, что мой пионерско-комсомольский задорный период в жизни был, если так можно сказать, очень серьезной школой самовоспитания, и в этом, по моему мнению, большой плюс той советской системы: мы сами планировали, организовывали и проводили строго по плану множество мероприятий (сегодня это называют тайм-менеджментом), мы сами продумывали и реализовывали «Дни полезных или добрых дел» (сегодня я бы это назвал социальным проектированием). Тогда этому было одно название – НОТ (научная организация труда), и нас этому учили.

Итак, Ваш подростковый, юношеский интерес к языкам к окончанию школы стал основой для выбора профессии. Почему Вы остановились на Тюменском университете, а не попробывали поступать в один из московских или петербургских ВУЗов? У Вас уже был опыт самостоятельного перевода прозы или поэзии или общения с иностранцами? Как прошло поступление? Какие языки стали для Вас при обучении основными?

Так получилось, что Тюменский госуниверситет выбрал не я, а он меня, точнее обстоятельства тому предшествовавшие. Начну по-порядку.

Вспоминая последний год школы, должен заметить, что до сих пор у меня осталось в памяти ощущение неизбежности отъезда из Сургута. Эта была участь любого выпускника школы, который стремился продолжить обучение в вузе. Я был готов поступать в Московский военный вуз, ну, а гражданские вузы мной просто не рассматривались. Я даже не помню, чтобы интересовался каким бы то ни было из них. Хотя, конечно, знал и о МГИМО и Московском институте иностранных языков им. Мориса Тореза, и МГУ, и о свердловских вузах. Мои одноклассники, школьные друзья уезжали поступать в томские вузы: Томский политехнический, Томский госуниверситет. Я же тогда считал, что свой

выбор давно сделал (у меня уже был печальный опыт непрохождения комиссии в Свердловское суворовское училище после 8-го класса). Поэтому остановить меня никто не мог, даже родители, они просто смирились.

Вообще, все, что произошло сразу после окончания 10-го класса — это была почти детективная история (опять шутка). Дело в том, что в это же время в Тюмени мой двоюродный брат бросает Тюменский нефтегазовый, не доучившись на первом курсе, для того, чтобы поехать поступать в Горьковское высшее военное ракетное училище в солидарность со мной. Вот так в июне 1989 года мы оказались в военно-полевых курсантских лагерях, я в Подмосковье в погранучилище, а мой двоюродный брат, Денис Медведев, где-то под г. Горький у ракетчиков. Система поступления в военный вуз отличается от гражданских. Там всех абитуриентов сразу берут в оборот, делят на отделения, взводы и роты, назначают командиров из числа курсантов; жесткий распорядок дня, дисциплина, физподготовка, теоретическая подготовка и т.д. Только через несколько дней, когда я стал понимать вообще, где я, мне удалось узнать, что моего факультета уже как год в этом училище не было, и мне надо было выбирать из имеющихся или уезжать домой, и я был такой не один.

Не знаю до сих пор, как это вышло. Ведь и набор вступительных испытаний там был «мягко говоря» не тот: математика, физика, химия, а не французский, история и литература, которые я готовил. Просто какое-то наваждение. Это сегодня абитуриенты имеют возможность получить всю достоверную и полную информацию. А тогда было так: прибыл в училище, сдал документы, значит — в строй и вместе со всеми по приказу все вступительные испытания проходишь. Вот так. Вероятно, в Сургуте в то время не только газеты и журналы приходили вчерашние, но и городской военный комиссариат тоже получал старую информацию, а других источников о военных вузах, как Вы понимаете, у меня не было. Так как перспектива инженерно-технических и военно-тактических специальностей мне была не очень интересной, я принял решение уехать. Вступительные экзамены в гражданские вузы были в июле, поэтому я успевал подать документы. Вот здесь и появился для меня Тюменский университет. Он возник случайно, как единственный вариант, так как других у меня просто не было. Ведь я был совершенно уверен, что поступлю в военное училище в Москве, даже, наверное, чересчур самоуверен. Но, увы. Я был первый раз в Москве, точнее, даже не в Москве, а в подмосковном лесу. В итоге, отец меня оттуда забрал и увез в Тюмень. Вот так, ещё и не начавшись, завершилась моя офицерская карьера военного переводчика. Настроение было ужасным, осадок на душе от неисполненного долга и несбывшейся мечты давил и мучил меня...

Брат же мой, в отличие от меня, поступил, отучился, а теперь уже и отслужил. Он уволился в запас подполковником. Живет сейчас со своей семьей во Владивостоке.

Я же, в свою очередь, через несколько дней после моих московских военных приключений, уже, будучи в Тюмени, готовился к поступлению на факультет романо-германской филологии...

Всего в тот год в ТюмГУ на французский зачислили 36 человек, при конкурсе 5 человек на место. На французский брали со знанием любого иностранного языка (английским, немецким), поэтому и конкурс был солидный. Вступительные экзамены я сдал очень хорошо. Написал сочинение по теме,

связанной с современной советской прозой. Должен сказать, что здесь сыграла свою положительную роль домашняя библиотека. Потом сдал на отлично французский, и ещё устный экзамен по литературе и русскому языку. В итоге набрал 14 баллов из 15 возможных, и сразу был зачислен, так как это и был проходной балл. Да к тому же я был единственным юношей, поступавшим на французское отделение.

Горечь московских неудач вскоре стала забываться. Учеба поглотила меня целиком. Пришлось очень много работать, так как мой сургутский французский оказался не таким уж и французским. Он был хорош для поступления, но в университете пришлось все начинать заново. Да и откуда ему было взяться. Франкоговорящих иностранцев я никогда не видел, ну а самым аутентичным французским источником, который я знал и мог читать ещё в школе, была газета французских коммунистов “L’humanit”. Её иногда продавали в ларьках тюменской союзпечати. Художественными переводами в школе я не занимался, а вот политинформации по зарубежному источнику проводил.

В университете все было по-другому. Весь образовательный процесс был ориентирован на изучение и познание языков: современных – французского, русского и английского, и древних – латинского. Была и литература, но нас готовили по программе лингвистической подготовки, поэтому мы подробно изучали, в первую очередь, языкознание, практические курсы морфологии и синтаксиса русского языка, практической и теоретической фонетики и грамматики французского, потом были курсы лексикологии, истории французского языка (старофранцузского, среднефранцузского, новофранцузского). Латынь мы также изучали диахронно, т.е. от архаической до «вульгарной», галло-римской. Потом с третьего курса был и английский, а на четвертом – факультатив по китайскому языку. В аспирантуре пришлось осваивать испанский. Мы очень много читали на языках, преимущественно на французском, хотя были книги и на английском, куски на латыни, но это – большей частью в учебных целях. Огромное количество того, что читалось, заучивалось наизусть. Мы много писали, смотрели и слушали фильмы и передачи. В специализированных фонолабораториях мы имитировали звуки, интонацию вплоть до региональных особенностей французского разговорного языка. Потом были стажировки, поездки, работа переводчиком. Я учился с большим увлечением, и теперь понимаю, что, наверное, московские приключения лета 1989 должны были произойти, чтобы, как говорят, почувствовать разницу. В университете фактически сразу, наконец-то, я понял, что это именно то, чего я хотел и к чему стремился, будучи в школе.

Похоже, попытку поступления в военное училище и собственно поступление в Тюменский университет надо рассматривать как нечто единое, связанное. Вас готовили переводчиками или преподавателями языка? Думаю, что, несмотря на большую учебную загруженность, у Вас была и внеучебная «вольница». Как Вы проводили свободное время?

Нас готовили преподавателями иностранных языков. Хотя сегодня, отработав 20 лет в педагогическом вузе, скажу, что в Тюменском университете это скорее была классическая подготовка лингвиста, собственно, как, наверное, и должно было быть в классическом университете. Мы занимались нюансами языка, деталями, частностями, смыслами, двойственностью языковых смыслов,

обусловленных как системой языка, так и социальными контекстами. Педагогика была вторична, помню её как обычную рядовую дисциплину (не в обиду моему педагогу), просто она (педагогика) для меня не была главной.

Мы занимались текстами. Текстами разножанровыми. Чаще это была проза, проза классическая и современная, редко поэзия. Поэзия чаще сочеталась с фонетикой, так как это ритм, мелодика и т.д. Как и положено мы осваивали теории. Все начиналось со структурализма Фердинанда де Соссюра, затем были Шарль Балли, Альбер Сеше, Андре Мартине, Эмиль Бенвенист. От двойственности языкового знака, лексики, мы перешли к синтаксису, постигали в том же ключе текст. Потом была французская интерпретация текста, дискурс-анализ: Ролан Барт, Патрик Серио, Мишель Пешё, Мишель Фуко. Затем текст как знак по Юрию Лотману и Михаилу Бахтину. Непосредственно источники были в очень ограниченном доступе. Копии, иногда оригиналы, привозили нашим преподавателям французские стажеры, которые уже тогда работали у нас в университете. Было сложно. Оттого даже иногда скучно, но это в начале. Зато всегда увлекательно после первых успехов анализа. Это как головоломки. Подготовка же к преподаванию была вторичной.

С благодарностью и любовью вспоминаю университет, потому что и «вольница» была настоящая. У нас был студенческий франкоязычный театр, это было на младших курсах, вплоть до третьего. Я туда попал только после успешного выступления на фонетическом конкурсе, который проводился обычно на первом курсе. Конкурс включал декламацию поэтического текста или прозы на языке. Успех мог быть только в том случае, если это приближено к оригиналу (интонация, смыслы, подача и прочие штучки). Я читал басню Ля Фонтена “La Cigale et la Fourmi” («Стрекоза и муравей»). Потом было публичное чтение на языке «с листа». Мне попался, по-моему, кусок из Пруста «В поисках утраченного времени» (“A la recherche du temps perdu”) про неожиданные детские воспоминания и ощущения автора, нахлынувшие на него после того, как он попробовал, будучи взрослым, кусочек пирожного «Мадлен».

Театр был любительским. Режиссером и вдохновителем был любимый всеми студентками молодой тогда преподаватель кафедры французской филологии Октябрьский Михаил Юрьевич. Мы ставили небольшие пьесы, отрывки из пьес Жана Ануя, пьес театра абсурда Э. Ионеско, С. Беккета. Нашими зрителями были студенты и преподаватели факультета. Ежегодно весной накануне сессии театр делал постановку, которой предшествовал длительный репетиционный период. Все было серьезно: текст, костюмы, грим, прогоны, даже отбор на роли. Была конкуренция. Моей первой ролью была роль дворецкого с одной единственной репликой. Я один раз за весь спектакль выходил на сцену и с торжественным видом громко говорил, что в гости пожаловали г-н и г-жа такие-то, ну и потом сразу уходил. Вот такая роль – а ля «Кушать подано!». Вероятно, уж очень колоритно это сделал, так как уже на будущий год я играл одну из главных ролей пьесы Ануя «Африканская любовь». Это была комедия. Для этой пьесы пришлось осваивать арабский акцент. Я играл роль богатого султана, у которого его друг бедуин, спасший однажды ему жизнь (эту роль играл сам Михаил Юрьевич Октябрьский), отбивает какую-то там по счету, не помню, жену. Мы даже специально ставили поединок на клинках с прыжками и кувырками. Был грим, кожа должна была быть смуглой, в общем, все атрибуты. Дома, в уни-

верситете, как Вы понимаете, был абсолютный успех. Апогеем стал наш дебют в Москве. В тот год Посольство Франции на Якиманке организовало театральный фестиваль молодежных франкоязычных любительских театров. Нас туда командировал университет. В Москве тоже был успех, мы заняли первой место, в зале были овации. Зрители, а это работники посольства, французы, как нам потом сказали «лежали на боку от гомерического смеха!», виной тому арабский акцент, он у нас особенно удался. Мы сами не знали, что это может быть так смешно. Нас потом спрашивали, сколько времени мы провели в Марокко! Невинная комедия в нашей интерпретации приобрела почти этнополитическую окраску. Нам подарили много подарков, это были книги, и мы получили приглашение участвовать в конкурсе на будущий год. Следующий год был для нас не такой успешный. Кусок из исторической пьесы Ануя «Бекет, или Честь Божья» оказался сложным для нас. Да, и формат фестиваля изменился, там стали участвовать студенческие театры из профессиональных театральных училищ. С французским у них были проблемы, ну, а вот игра, конечно, вне конкуренции. Все равно, это был незабываемый опыт.

В это же время и позже, на старших курсах, я ходил в политическую студию при университете. Мы учились анализировать политические события, которых в стране было хоть отбавляй, мы анализировали публичные выступления Горбачева, Ельцина, других политиков, события начала 90-ых, сравнивали различные точки зрения, учились делать прогнозы. Много внеучебного времени занимала работа переводчиком в Тюмени, были стажировки и работа во Франции: июль – август 1991 – стажировка в детском летнем лагере на Лазурном берегу Франции. Нас направило Французское посольство за наши театральные успехи. В ноябре – декабре 1991 – обучение в Высшей школе переводчиков Сорбонна – Дофин. Потом были стажировки во Франции в туристических фирмах, в ассоциациях по культурному обмену и т.д. Думаю, что для тюменского студента мне очень повезло с учебной и, особенно, внеучебной деятельностью. У меня остались самые теплые воспоминания о моих пяти годах учебы в университете.

Вы обмолвились об аспирантуре. Она была сразу после завершения университета или Вы какое-то время работали по полученной специальности? Какую тему Вы разрабатывали в аспирантские годы?

После университета летом 1994 года я отработал в очередной раз во Франции. У меня были попытки остаться там учиться и работать, я даже направлял резюме своей дипломной работы одному профессору из Сорбонны (к сожалению, забыл его имя). Мы с ним говорили по телефону, и он готов был меня взять для подготовки диссертации. Но главную проблему мне так решить и не удалось: разрешение на работу. В итоге, поскитавшись во Франции около трех месяцев, я вернулся в Сургут. Почти сразу принял решение устроиться на работу тогда ещё в педагогический колледж (сегодня Сургутский государственный педагогический университет) преподавать французский язык и латынь. Что собственно и сделал. Осенью вышел на работу, а в октябре того же года поступил в заочную аспирантуру в Московский педагогический университет по целевому направлению из педколледжа на специальность «Романские языки». В аспирантуре разрабатывал и через пять лет (в 1999 г.) защитил диссертацию на тему «Неполные и односо-

ставные вопросительные предложения в диалогической речи во французском и испанском языках» на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Работу делал на основе диалогов их театральные пьес, как понимаете, пришлось осваивать испанский. Суть работы, если кратко, заключалась в том, чтобы найти вторичные смыслы в вопросах и то, как это отражается в их внешней структуре, а также то, как их (смыслы) можно обойти в ответах. Мне это очень пригодилось в последствии, когда я стал заниматься социологией, в частности, при разработке анкет и гайдов интервью.

Таким образом, практический опыт в этом направлении у Вас есть. Прекрасно. Пожалуйста, два-три примера приведите... эта тема очень актуальна..

Согласен. Действительно, очень актуальна. Ведь от того, как спросить, как задать вопрос, зависит результат. Только разница между социологией и лингвистикой в том, что социолог думает, как спросить, т.е., как точнее сформулировать вопрос, а лингвист анализирует, что уже спросили и какие средства при этом использовали, а также их соотношение. Другими словами, если говорить о синтезе интересов, то социолог и лингвист идут по встречным направлениям одной дороги.

Поясню. Так, например, будучи сотрудником лаборатории региональных исследований нашего университета, я вел инициативное социологическое исследование, посвященное учительству и входил в группу, изучающую проблемы толерантности и межэтнических отношений в школе. Передо мной стояла задача нарисовать социальный стереотипный портрет городского учителя. Во время разработки инструментария исследования я принял решение отказаться от традиционной анкеты и провести эксперимент на свободную интерпретацию псевдотавтологий. Это не мое изобретение, а по своей сути в чистом виде лингвистический эксперимент, хорошо известный и описанный в лингвистической семантике как отрасли языкознания. Он используется для того, чтобы выявить разницу между сходными в семантическом отношении лексемами или синтаксическими конструкциями, а также построить их иерархию. Мне показалось, что если его применить в социологическом опросе, то можно получить интересный результат. Что, собственно, и было сделано. Так, для выявления стереотипного образа учителя респондентам мной задавался вопрос: Если бы Вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по-вашему, он имел в виду? А затем предлагалась собственно реплика тавтология: Учитель есть учитель. Хитрость здесь в том, что если бы у меня стояла задача приукрасить образ учителя, то я бы дал другую реплику к моему вопросу: Учитель — это учитель. Дело в том, что свойства приписываемые учителю в первом и втором случаях не тождественны. Во втором случае они будут преимущественно положительные, а вот в нашем случае, первом, мы получили массу интересных, в том числе и отрицательных коннотаций таких как «жаба», «злюка» и т.д. Не поймите превратно, я не ставил задачу очернить образ, нет, наоборот, он как раз получился очень живым, т.е. со своими плюсами и минусами, которых, конечно, было гораздо меньше. Кстати, результаты исследования были опубликованы позже в «Журнале социологии и социальной антропологии» в г. Санкт-Петербурге в № 2 за 2007 год.

Другой пример. Это уже из моих давних диссертационных наблюдений, впоследствии я взял это на вооружение при проведении интервью, да и не

только. В диссертации помимо разных прочих задач, я должен был найти коммуникативное различие между односоставным вопросительным предложением и неполным вопросительным предложением, а также их коммуникативной ролью в диалогической речи. Дело в том, что в романском языкознании была определенная узконаучная полемика на этот счет, я естественно здесь это опущу. Так вот, проанализировав более 1500 примеров различных диалогических ситуаций, я установил, что в диалогическом тексте частный односоставный вопрос, т.е. вопрос о причине, цели, времени и т.д., включающий в свою структуру только специальное вопросительное слово, семантически открывает отвечающему большое пространство для ответной реакции. Проиллюстрирую сказанное: - (1) Я не поеду с тобой в кино. — (2) Почему? (Почему ты? Почему ты не поедешь? почему ты не поедешь со мной? почему ты не поедешь со мной в кино?) — (3) Потому что у меня много дел (Потому что хочу в театр; Потому что ты плохо водишь машину и т.д.). Более того, такой вопрос чаще способствует нелинейному развитию диалога, что собственно видно из примера. Реплики 1 и 3 хоть и связаны как части сложноподчиненного предложения, но могут развить диалогическую ситуацию в любое русло. Частный же неполный вопрос семантически ограничивает коммуникативное пространство ответа за счет того, что жестко привязан к первой реплике структурно, и может, в свою очередь, не включать специальное вопросительное слово. Так, в нашем примере это может быть вопрос-догадка: Занят? который бы предвосхитил ответ о причине; вопросы-подхваты: Со мной? или В кино?, или обе реплики вместе: Со мной? В кино? (так называемый вопрос-парцелляция), — которые не исключают выяснение причины, но фокусируют внимание собеседника на интересующем только нас направлении беседы.

Вот, собственно, может быть не очень иллюстративно, дело в том, что в романских языках на уровне синтаксиса это работает несколько иначе, но все же, если в общих чертах, то так.

Я уже не говорю о том, что такие знания помогают в оценке правильности поставленного вопроса или предлагаемой для ответа шкалы в закрытом вопросе, а также последовательности вопросов в анкете. Ещё один пример. Так, однажды к нам в университет в лабораторию обратились представители одной очень серьезной организации (не буду её называть), которая хотела провести опрос с целью выявления мнения и оценок жителей города об их деятельности. Их анкету венчал вопрос об оценке деятельности этой организации с тремя вариантами ответа: Оцените деятельность нашей организации — а) хорошо; б) удовлетворительно; в) не слышал о такой организации. Забавно, мало того, что здесь была грубая ошибка в шкале, но вот что еще интересно. Можно, конечно, понять их желание получить только положительные оценки населения их деятельности. Но какой бы они, представители этой организации, сделали бы вывод на основе полученных данных, обнаружив, например, что какая-то доля опрошенных, ответив, естественно, при этом, на предыдущие вопросы анкеты о содержании и характере деятельности этой организации, выбрала для этого последнего вопроса последний вариант ответа, т.е. в)! Вот так бывает.

Естественно, я не претендую на совершенство в «вопросе о вопросах», хотя знаю, что это очень сложная, интересная и актуальная для социологии тема.

Возможно, здесь есть нечто новое в синтезе лингвистике и методике конструирования вопрос... подумаю... а пока вернемся к траектории Вашей жизни; все шло в целом гладко, и как Вы «прыгнули» в социологию?

На самом деле все произошло очень гармонично. Ведь параллельно моей работе преподавателя французского языка и латыни я с 1998 года стал возглавлять кафедру германских и романских языков в педагогическом университете, тогда ещё институте. И помимо всякой прочей организационной и административной работы по роду своей деятельности должен был бороться за набор, за сохранение французского языка как в нашем университете, так и в школах города. Уже тогда ни о чем особо не подозревая (то, что проникаю в совершенно новую для себя сферу), я проводил микроисследования среди школьников и студентов, выявляя мотивы их выбора иностранного языка для изучения.

У нас на кафедре падала учебная нагрузка, я это в первую очередь сам и ощущал. В школах ситуация была вообще катастрофической, учителя французского переходили на преподавание других языков, чаще немецкого или английского, или вообще на пенсию. Выясняя через ответы учащихся, что выбор иностранного языка, в основном, определяется родителями, мы стали проводить разъяснительную работу среди них. Потом оказалось, что «пятой колонной» выступало руководство школ. Им было так выгоднее, удобнее составлять расписание, формировать нагрузку, да, и, к тому же, не надо было убеждать и уговаривать родителей и пр. В итоге за двадцать лет (с 1994 года) из более чем 20 школ города французский язык (да, он и тогда был не везде) безвозвратно ушел. Сегодня его преподают только в двух-трех муниципальных школах и в таком же количестве частных школ. Нас не услышали.

Постепенно исследования стали масштабнее. Потом я участвовал в полевых этапах по другим заказам, это в основном исследования студентов и старших школьников. До 2003 года я ничего из этого не публиковал, да и не думал этого делать. Действовал по принципу: принял участие, провел поле, да и все. Конечно, что-то использовал в институте на внутренних конференциях, совещаниях для иллюстрации проблем, и не более того. За несколько лет таких исследований в режиме самоучки я осваивал нюансы социологического полевого исследования. Конечно, не было написанных программ, обоснований, основной инструмент - только анкета. Все это появилось гораздо позднее. Преподавать английский я не хотел, да и без меня там народу хватало, поэтому необходимо было искать альтернативу.

Так, в 2004 году наш институт получил заказ от Администрации Сургутского района на проведение социологического исследования на тему «Ценностные и профессиональные ориентации школьников Сургутского района». В институте меня спросили, не хотел бы я взять в разработку эту тему. А я вот как-то так взял и легко согласился. Откровенно говоря, дополнительный заработок был не лишним. У меня был год времени на это, была небольшая группа и административный ресурс. Там проблема была в том, что некоторые территории Сургутского района расположены далеко от Сургута и труднодоступны, и поэтому без помощи районной администрации только ресурсами института, даже теми которые были выделены, эту тему двинуть было сложно. Как Вы понимаете, здесь все было уже по-настоящему: и программа исследования, и её обязательное согласование с заказчиком, и расчет выборочной совокупности, и обработка массива данных

тогда ещё в Excele, а также все, что окружает исследование: согласование сроков, официальные письма, контроль бюджета, командировки т.д. Скажу кратко – мы успешно справились, акт о выполненных работах был сразу подписан заказчиком. Знаю, что глава районной администрации использовал наш отчет в своей работе. Видимо, действительно, получилось, так как были хорошие отклики о полезности проведенной работы, а наш ректор мне вдруг неожиданно при очередной встрече задала вопрос: «Не хочу ли я продолжить эту работу, т.е. проведение социологических исследований, но уже под руководством профессионалов с перспективой подготовки и защиты докторской диссертации?». Я пообещал подумать. Вот так чуть позже, уже подумав, я оказался на собеседовании у доктора философских наук, профессора Клары Григорьевны Барбаковой в г. Тюмени. В Тюменской области было только два вуза с ректорами женщинами во главе: институт Клары Григорьевны Барбаковой и наш институт, теперь университет, Надежды Васильевны Коноплиной, доктора педагогических наук, профессора. Естественно, ректоры хорошо знали друг друга.

Был и другой фактор моего ухода в социологию. Я все дальше уходил в моих научных интересах от традиционной структурной лингвистики в сторону социолингвистики, дискурс-анализа, прагматики. Междисциплинарные сферы меня интересовали все больше и больше. У меня был долгий период раздумий (почти метаний), попытки заниматься сравнительным образованием (многое из того, что было исследовано, я потом использовал в своих работах, но это было потом). Социология открывалась для меня постепенно.

К началу «нулевых» в России уже было многое сделано в области социологии образования: классические исследования В.Н.Шубкина и его последователей, работы Екатеринбургских социологов, Е. Э. Смирновой, Ф. Э. Шереги и далее. Имелась ли в Сургуте возможность ознакомиться с этими исследованиями, был ли доступ к зарубежной литературе?

Да, тогда уже мне были известны эти авторы, однако с большинством из них я знакомился благодаря «Соцису», который выписывала и городская, и институтская библиотеки. Не могу сказать, что в Сургутских библиотеках социологической литературы было в достатке. В начале «нулевых» работ по социологии образования почти не было. Как сейчас помню, что нашел тогда только «Социальные проблемы образования» Ф. Г. Зиятдиновой и социологию образования Ф. Р. Филиппова, кстати, и та и другая книги стали сегодня уже большой редкостью. Позже появились очерки по социологии образования А. М. Осипова и его соавторов. Прикладные исследования по социологии образования Ф. Э. Шереги я нашел только в Московской библиотеке. Так как в Сургуте мы регулярно получали «Социс», мне, конечно, были известны работы и Г. Е. Зборовского, и В. С. Собкина. После того, как работы Г. Е. Зборовского стали публиковать в «Гардариках», они появились и в Сургуте, а исследования В. С. Собкина и его коллег можно было уже найти в интернете на официальном сайте института социологии образования РАО.

В сургутских же библиотеках чаще встречались работы по общей социологии и социологии труда Ж. Т. Тощенко, методологии социологического исследования В. А. Ядова, социологии культуры. Были работы по социологии молодежи В. Т. Лисовского и социологии северного города Г. В. Куцева. Что касается

зарубежных авторов, то чаще можно было найти переводные работы П. Бурдые, избранные произведения М. Вебера, разные издания книг и произведений П. А. Сорокина. Хорошо помню хрестоматию по американской социологии, изданную в конце 90-х, по-моему, в МГУ, там были отрывки из Роберта Мертон, Талкотта Парсонса, Чарльза Кули и других. Все эти книги были в одном, двух экземплярах и чаще для доступа только в читальном зале. В сургутских вузах социология почти не читалась, поэтому и особого спроса на эту литературу не было. Когда она стала входить в учебные планы, студенческий спрос на эту литературу увеличился. Тогда полки книжных магазинов заполонило огромное количество книг с названиями «Социология», «Основы социологии» и пр., поступавших по принципу доступности, а не качества. Хорошая, добротная социологическая литература, в том числе и классики, стали появляться гораздо позднее.

В систематическом виде через серьезные теоретические источники социология образования, да и социология в целом, открылась для меня только в 2004–2006 гг., когда я стал уже регулярно работать в этом направлении и, в связи с этим, целенаправленно ездить в Москву, чтобы знакомиться с этой литературой в РГБ, приобретать её для себя. До этого, это напоминало хаотические бросания на любую книгу, название которой начиналось на «Социо...».

Клара Григорьевна Барбакова, к сожалению, уже несколько лет тяжело больна, и хотя нас связывают давние и очень добрые отношения, я не смог побеседовать с ней. Удалось ли Вам с ней поработать, если «да», то какие у Вас о ней воспоминания сохраняются?

Да, я знаю об этом. Не встречался с Klarой Григорьевной тоже очень давно. В 2013 году мне довелось быть в Москве. Я приехал в Институт социологии РАН для того, чтобы принять участие в работе круглого стола по проблемам образования, организованном исследовательским комитетом по социологии образования РОС, а также решить ряд вопросов в самом РОС. Именно там в РОС среди различных фотографий, прикрепленных на стене, я случайно обнаружил себя на общей фотографии, сделанной на одной социологической конференции в 2007 году. Это была одна из многих, подчеркну, многих научных социологических конференций в г. Тюмени, которые регулярно организовывались Klarой Григорьевной Барбаковой и её коллегами.

С Klarой Григорьевной мы проработали совместно более четырех лет с 2005 по 2009 гг. Именно благодаря Klаре Григорьевне мое постижение социологии стало систематическим. Первое, что я хочу сказать, - она очень добрый и мудрый человек. Клара Григорьевна меня поправляла, направляла, сдержано отчитывала за мои ляпы, но так как-то всегда тонко и интеллигентно. Это, кстати, не случайно. Её самый основной, как мне известно, да и не только, научный, но и жизненный интерес – это исследование такой сложной темы о том, что такое интеллигенция и интеллигент. Мне хорошо знакома её книга, написанная совместно с Валерием Андреевичем Мансуровым «Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия».

Консультации с Klarой Григорьевной были очень содержательными и полезными. Естественно, многое было для меня новым, пожалуй, почти все! Признаю это, не стыдясь. Причем, самые запоминающиеся – это её повествования о многих интересных и странных, хотя каких странных, вполне понятных,

событиях становления социологии как науки в нашей стране, её учителях. Так, я узнал, например, о Галине Михайловне Андреевой. Точнее, что значит узнал? Ведь, ещё до встречи имя Г. М. Андреевой было известно мне как имя крупного отечественного психолога. Я знал её работы по социальной психологии, в частности, по теории каузальной атрибуции. Ещё до того, как я стал заниматься социологией, это были тогда мои междисциплинарные интересы (в лингвистике — это теории о «человеке-говорящем» и «человеке-слушающем», их коммуникативном взаимодействии, приписывании смыслов и пр.). Это очень яркое воспоминание о неожиданной для меня актуализации такого знания. Потом, благодаря советам Клары Григорьевны, познакомился с трудами Тамары Моисеевны Дридзе. Узнал, что она в свое время кончила «ин-яз». Передо мной открывался, простите за пафос, мир социологии, такой разной, сложной, но очень, как оказалось, близкой мне. И это благодаря теоретическим урокам Клары Григорьевны.

Я приезжал к Кларе Григорьевне домой, консультации она проводила в основном у себя. Это всегда были незабываемые для меня поездки. Прямо с поезда «Сургут — Тюмень», преодолев более 800 километров за 14-15 часов, утром я приезжал к ней. Уже дома всегда была небольшая экскурсия, организованная Klarой Григорьевной по её домашней очень богатой научной библиотеке. Она всегда обезоруживающе говорила: «Владислав Павлович! Вы — с дороги, сейчас буду Вас кормить, а Вы будьте здесь (прим.: в кабинете) и изучайте!». Я оставался в кабинете и все мои попытки помочь ей по кухне разлетались в клочья на стадии плохо озвученной мной идеи, даже мысли или предложения. Все было очень вкусно: и книги, и супы, и салаты, и пирог, второе, торт, мороженное. Мы шутили: я говорил спасибо и что ухажу, так как собственно все — сыт! Но это было только началом. Потом мы разговаривали ..., удивительно, сколько она тратила сил и времени на создание такой атмосферы. Она всегда была и остается восхитительной женщиной и профессиональным педагогом. Потом у нас была работа: беседа о том, как все идет, о том, что я сам сделал, что прочитал, что думаю о прочитанном, с кем и с чем сравнивал точки зрения и т.д. В общем, шла работа, нормальная такая работа.

Клара Григорьевна — просто хороший, искренний, ответственный, многознающий и мудрый человек. Для меня это было незабываемым профессиональным и личностным общением и, конечно, Уроками. Уверен и знаю, что каждый докторант ощутил эту заботу на себе. Хочется пожелать выздоровления и здоровья Кларе Григорьевне!

Вы начали ездить в Москву... наверное, и в Институт социологии РАН? С кем из московских социологов Вашего возраста и постарше Вам удалось познакомиться, может быть, поработать?

Все о чем, я начал рассказывать, а также мои поездки в Москву, происходили почти одновременно. Да, поездок было много: это и конференции, и работа в библиотеках. В целом, куда бы ни ехал, везде записывался в библиотеку: Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, и, даже, Геленджик, и Анапа. Кстати, в небольших южных городах, точнее, в их библиотеках, можно было найти самые неожиданные источники по истории социологии, переводную литературу и т.д.

В Институт социологии РАН я стал ездить позднее, конечно, встречался и общался там и с Давидом Львовичем Константиновским, и Валерием

Андреевичем Мансуровым, и Зинаидой Тихоновной Голенковой. Зинаида Тихоновна консультировала меня по проблеме моей докторской, за что я ей очень благодарен. Несколько раньше у меня была возможность познакомиться с социологами из Санкт-Петербурга. Я приезжал участвовать в научной конференции на факультет социологии СПбГУ, посвященной проблеме социологического диагноза культуры, организованной Владимиром Вячеславовичем Козловским, Русланом Геннадьевичем Браславским и их коллегами, опубликовал у них в Журнале социологии и социальной антропологии статью. Уже на этапе защиты докторской диссертации очно познакомился с Владимиром Самуиловичем Собкиным, директором института социологии образования РАО. До этого и до сих пор с интересом слежу за их исследованиями. Что касается конкретно-социологических полевых исследований, то сотрудники моей лаборатории и я вместе с ними, помимо наших собственных, принимали участие в полевых исследованиях, проводимых Левада Центром, но это только заочно, что называется, по запросу. Так сложилось, что мне выпала удача познакомиться и пообщаться с Вадимом Валерьевичем Радаевым, хотя не по социологическому поводу, он приезжал к нам в университет, если я не ошибаюсь, в рамках крупного проекта по разработке и подготовке стратегии развития высшего профессионального образования в стране. Они изучали региональные вузы, ну а я, будучи проректором, вместе с моими другими коллегами были в теме и поучаствовали в этом.

При Ваших знаниях языков Вам, наверное, хотелось поближе узнать зарубежных социологов, изучить их теоретические подходы и исследовательские методы. Смогли Вы это сделать?

Откровенно говоря, очень хотелось бы. Пока могу об этом говорить с частичкой «бы». Только вот как-то не сложилось. Был печальный опыт общения с одним финским исследователем. Кратко, к нам в университет приехал магистрант из одного университета Финляндии, и попросил помочь ему провести социологическое исследование у нас в Сургуте (он не социолог, его специализация — социальная география). Дал анкеты, матрицу, и сказал: «Проводите». В общем, уехал. Потом была переписка с его университетом. Мне объяснял в переписке его руководитель, что это нормальная практика академической взаимопомощи и общения. Правда, когда я задавал вопросы о совместных публикациях, сотрудничестве, договоре, то не услышал ответа. Финский исследователь уехал, а мы остались! Вы знаете, в Сургуте, надеюсь, социология постепенно набирает обороты. Даже появляются частные коммерческие конторы, но там чистой воды маркетинг. Хорошо, пусть зарабатывают. Ну, а мы до сих пор многому учимся, уже есть и результаты, и готовы поделиться тем, что нами делается. Мы просто пока очень «маленькие».

Клара Григорьевна, если я верно помню, налаживала международные связи с социологами, развивая контакты с университетами северных территорий: в Финляндии, Канаде, со Скандинавскими странами. Похоже, такие контакты есть и в Якутии... не пробовали?

Знаю, что она очень активно работала в этом направлении. Даже успешно. Студенты её института ездили на стажировки. Мне было бы интересно поучаствовать или провести сравнительное исследование. Правда, особой активности

в этом направлении пока не предпринимал, так как считаю, что должны быть свои наработки, принципы, предложения. Сейчас нам уже есть, что показать (я имею в виду лабораторию региональных исследований СурГПУ и Югорское отделение РОС), поэтому стоит задуматься и на эту тему. Что касается Якутии, то я был в Якутске на большом форуме, который был организован Арктическим университетом (это консорциум российских и зарубежных университетов), в который наш университет входит, но ни тогда, ни сейчас ничего интересного для нас пока я найти не могу. Там очень специальные направления, связанные с природопользованием, экологией Арктики и прочее. Были контакты и с коллегами из США, Калифорнийский университет в Фуллертоне, я там был на семинаре, посвященном проблемам развития высшего образования, Ассоциация культурных и академических обменов (г. Сиэтл). Но также это все пока остается на уровне намерений. Идеальный вариант – это, конечно же, поучаствовать в конкурсах грантовой поддержки. Ну ... будем искать!

Вы уже дважды в нашей беседе вспомнили о работе над докторской диссертацией. Пожалуйста, расскажите, когда Вы приступили к этой работе, какую проблематику Вы исследовали, что удалось показать.

Целенаправленно я начал работать над темой с 2004 года, это направление я предложил Кларе Григорьевне, и она после обсуждения согласилась консультировать меня. Завершал исследование под чутким руководством Гарольда Ефимовича Зборовского. Он в итоге и стал моим научным консультантом по диссертации, старшим наставником и, если он не будет против, другом. Тема докторской диссертации «Модернизация педагогического образования: социологический анализ». Было бы странным, если бы я взялся за другую тему, работая в педагогическом вузе и проработав в нем к тому времени уже 10 лет. Я начал углубляться в эту тему уже имея задел и наработки по учительству, по мотивации школьников к получению именно педагогического образования, опросы учителей, родителей и т.д. Мне помогли и все те исследования, о которых я говорил раньше. Они помогли нащупать проблемы. Подтолкнула меня к этому реальная ситуация, сложившаяся в нашем регионе, да и не только в регионе, в стране в целом. Это и сокращение сети педагогических вузов, их закрытие и слияние, обвинения в адрес именно педагогических вузов в том, что во всех бедах в российском образовании виновны именно они; это и введение ЕГЭ, и изменение, скорее, усложнение роли и функций учительства и, как следствие, необходимость понимания глубоких изменений института педагогического образования, и многое другое.

Скажу так, что если бы я не сломал случайно, но, как сейчас понимаю все-таки своевременно, ногу, то не завершил бы работу вовремя (это правда!). К началу 2010 года у меня накопились результаты собственных проведенных исследований, большой теоретический материал (аутентичные источники) по зарубежным странам. Все это требовало систематизации. Причем, я понимал, что в условиях действительно интенсивных реформ в образовании, многие из полученных данных могут устареть, точнее, потерять свою актуальность. Т. е. к времени «Ч», т.е. времени, когда можно и надо было все обобщить и концептуализировать, у меня уже было достаточное количество наработок, публика-

ций в различных журналах и сборниках, и даже вышли две книжки, было также собрано много другого материала (статистики, исследований прошлых лет).

Это был самый трудный этап. Не хватало времени... И вдруг оно появилось... Появилась возможность спокойно дома все осмыслить, обдумать и изложить.

Что удалось показать? Удалось показать, что педагогическое образование — это основа для воспроизводства допрофессионального образования и профессиональной общности педагогов. А посему реформы в образовании надо начинать не с его уничтожения как вида образования и не с общей школы, т.е. внедрения ЕГЭ, ГИА и прочих аббревиатур, а именно с сохранения педагогического образования, создав необходимые для этого социальные условия и технологии, которые способствовали бы его развитию, так в частности, чтобы «новый» учитель не воспроизводил в классе устаревших шаблонных схем обучения и воспитания, ставших революционными ещё во времена Я. А. Коменского, но, к сожалению, остающихся до сих пор актуальными. Удалось показать, что модернизация модернизации рознь. Модернизация образования не может иметь ничего общего только с экономическими механизмами, товаризацией, по Марксу; и даже её понимание как рационализация (по Веберу), здесь также не подходит, так как имеет отношение к обществу как социально-экономическому организму, а точнее к построению основ капитализма. А что значит капитализм в образовании? А это значит привнесение рыночных принципов и правил взаимодействия в этой социальной сфере. Для российского образования — это серьезная встряска, так как затрагивает его социально-культурные основы, принципы и традиции. А это, на мой взгляд, одна из причин того, что многие реформы идут со скрипом и встречают сопротивление общества. Модернизация образования не исходит напрямую, жестко из модернизации общества. У этих «модернизаций» разные «профили». Модернизация образования — это процесс социальный. Здесь мне близка позиция Шмуэля Эйзенштадта. Он, конечно, не писал о педагогическом образовании, но он говорил о том, что возрастающая автономность и специализация институциональных сфер, а это, на мой взгляд, то, что произошло с образованием и с педагогическим образованием, только открывают новые возможности для их развития. Действительно, возникает проблема интеграции различных социальных сфер, их взаимодополняемости, но ведь это не та проблема, которую нельзя решить или надо решать методом «ампутации». Имеется много способов преодолеть такой кризис. Мне кажется, что это неисчерпаемая тема.

Владислав, Вы — заведующий кафедрой и декан социологического факультета Сургутского государственного университета (если что-то не так, пожалуйста, поправьте меня). В любом случае, расскажите о Вашем факультете, составе кафедр, по каким специальностям Вы готовите студентов.

В Сургуте два государственных вуза регионального подчинения: Сургутский государственный университет и Сургутский государственный педагогический университет. Я с самого первого дня моего трудоустройства в Сургуте (август 1994) до сих пор работаю в педагогическом университете.

Первоначально Сургутский государственный педагогический университет был педагогическим училищем (1986), потом высшим педагогическим колледжем (1993), педагогическим институтом (1995), и, наконец, педагогическим универ-

ситетом (2005). Сургутский государственный университет, в отличие от нашего вуза, создавался на пустом месте, если не ошибаюсь в 1993 или 1994 годах как муниципальный вуз, тогда это было можно, т. е. законодательство позволяло. Имея серьезную финансовую поддержку города, но полное отсутствие кадров руководство этого вуза, с одной стороны, стало массово приглашать профессуру со всей России, с другой, поглощать имеющиеся на территории Сургута средние профессиональные учебные заведения. Получение нами статуса педагогического института стало своеобразной защитой от такой агрессивной местной политики. Хотя признаюсь, что «сливать» нас пытались и после этого ещё несколько раз, и даже тогда, когда мы стали университетом. Мы, простите меня за такое сравнение, до сих пор стоим в защитной стойке. По-другому нельзя, в России за последний год-два количество педагогических вузов сократилось в 2,5 раза. В нашем случае, все такие попытки не увенчались успехом благодаря работе коллектива и, конечно же, нашему бессменному ректору, её имя я уже называл, Коноплиной Надежде Васильевне, доктору педагогических наук, профессору.

Мы – небольшой по российским меркам региональный вуз с очень хорошей базой и инфраструктурой, и эффективный педагогический вуз по оценкам федеральных и региональных властей. У нас около 2500 студентов (бакалавров, магистров, аспирантов) очной и заочной форм обучения. Мы – единственный вуз в Тюменской области, который готовит выпускников по направлению «Социология». У нас есть группы студентов по направлению «Организация работы с молодежью» (тоже социологическое направление), уже четвертый год функционирует аспирантура по социологии, и в этом году мы делаем первый набор на направление подготовки бакалавров по социологии. Все это происходит на одном из шести факультетов нашего педагогического университета, который называется: «Факультет социально-культурных коммуникаций», а именно на кафедре философии и социологии. Наш же сосед, Сургутский государственный университет, социологов не готовил и готовит, а также не имеет соответствующей кафедры.

В Сургутском государственном педагогическом университете я с самого начала работал на должностях ассистента, преподавателя, заведующего кафедрой, проректора по научной работе. Сегодня – занимаю должности первого проректора, заведующего научной лабораторией региональных исследований и по совместительству профессора кафедры философии и социологии того факультета, о котором я уже сказал. На кафедре все, кто задействован в подготовке социологов, имеют ученые степени кандидата наук. Кафедру философии и социологии возглавляет кандидат культурологии, доцент Салават Рифгатович Аминов, факультет социально-культурных коммуникаций – кандидат педагогических наук, доцент Римма Анатольевна Белошапка. На факультете ещё ведется подготовка специалистов по социально-культурной (досуговой) деятельности и дизайну. Кафедра философии и социологии – молодая, ребята не старше 40 лет, активно занимаются наукой, социальным проектированием. У меня же в лаборатории как внештатные главные научные сотрудники трудятся хорошо известные Вам доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Гарольд Ефимович Зборовский (УрФУ, г. Екатеринбург) и доктор социологических наук, профессор Елена Анатольевна Шуклина (УрФУ, г. Екатеринбург). В ближайшее время, очень надеюсь, ожидаются защиты кандидатских диссертаций

ции по социологии двух моих научных сотрудниц Ольги Владимировны Власовой (под руководством Г.Е. Зборовского) и Светланы Викторовны Овчаренко (под моим руководством) (стучу по дереву, мы марксисты народ суеверный!). Кроме того, для исследований я привлекаю специалистов из других сфер, так с нами, в коллективе лаборатории, уже несколько лет трудится кандидат филологических наук Светлана Сергеевна Дрига, она – начальник научного отдела нашего вуза, но, будучи специалистом в дискурс-анализе СМИ, с удовольствием подключается к нашей работе для проведения интервью. В нашем университете мы открыли региональное отделение (Югорское отделение) Российского общества социологов. Другими словами, в Сургуте социология прошла свой первый этап институционализации и не только благодаря созданию кафедр и открытию специальностей в Сургутском государственном педагогическом университете. Мы активно проводим полевые социологические исследования, публикуемся. Вот самые крупные из них: «Проблемы социокультурной адаптации детей мигрантов в ХМАО-Югре», «Учительство ХМАО-Югры как социально-профессиональная общность». В разработке тема по социологии детства «Дети в системе дополнительного образования северного города». Параллельно по заказам исследовательских центров мы проводим поля (анкетирование, глубинные и полуструктурированные интервью). В общем и целом работы много.

Похоже, все это прежде всего – следствие Вашей активности, но, можно думать, что Вас поддерживают местная власть и бизнес. Вам удалось найти с ними общий язык?

Прежде скажу, что все, что уже сделано, и, надеюсь, ещё будет сделано – это во многом и целом благодаря Гарольду Ефимовичу Зборовскому. Ведь его научное консультирование моей докторской постепенно перетекло в совместную научную работу на базе нашей лаборатории, которая с 2010 года коренным образом изменила направление своих исследований. Наверное, по-другому и быть не могло. Сейчас, думаю, что было бы странным, если бы мы перестали работать совместно. Чуть позднее к нам присоединилась Елена Анатольевна Шуклина. В лаборатории она курирует методологические аспекты проводимых нами исследований. За несколько лет совместной работы у нас сложилась своя определенная система совместного взаимодействия и работы. Я это очень ценю. Тот социологический коллектив, который сформировался в университете, – заслуга наших уральских коллег.

Что касается поддержки властей, то мы её ощущали все последние годы. Здесь поймите меня правильно. В нашем университете, как я уже говорил, мы открыли направление подготовки бакалавриата по социологии при поддержке региональных властей, более того нам удалось их убедить выделить бюджетные места для развития этого направления. Думаю, мы их не подведем, так как уже сегодня, в период приемной кампании мы имеем конкурс из 280 заявлений на 15 бюджетных мест, и это не предел (приемная кампания продолжается). Конечно, я понимаю, что это предварительные результаты, тем не менее такие цифры говорят об интересе, которые проявляют школьники и их родители к этому направлению подготовки (оговорюсь, не без наших усилий), а также о том, что эта специальность престижна, востребована на региональном рынке труда и, следовательно, имеет перспективы для развития. Более того, мы полу-

чали и продолжаем получать заказы на проведение социологических исследований в регионе от региональных и муниципальных властей, и проводим их. Я не говорю о том, что наша научная лаборатория целиком финансируется из регионального бюджета. По результатам исследований сами власти организуют общественные слушания с приглашением всех заинтересованных лиц. Так, исследование «Проблемы социокультурной адаптации детей мигрантов в ХМАО-Югре» мы проводили по запросу комитета по социальной политике Думы ХМАО-Югры.

Кстати, его руководитель, Наталья Леонидовна Западнова, – кандидат социологических наук, что мне представляется вполне «симптоматичным». Комитет дважды организовал с нашим присутствием такие слушания с приглашением представителей департаментов образования, молодежной политики, социальной политики, представителей диаспор, общественных организаций, прессы и т. д. Затем такие встречи прошли и в муниципалитетах. Дело закончилось принятой исполнительной властью региона соответствующей программы, которая, по моему мнению, очень неплохо работает: увеличили количество часов на освоение русского языка для таких детей в тех школах, где это необходимо, стали создавать программные школы в этом направлении, подключили общественность, СМИ и т. д. К нашей одноименной монографии, написанной по результатам этого исследования, проявили интерес не только представители округа, она получила положительную оценку представителей других регионов России. Другими словами, проблема стала всеобщим достоянием, и обсуждать её стали конструктивно. Надеюсь, что и в дальнейшем такой диалог будет сохраняться и развиваться.